

Однако и эта позиция, восходящая своими основаниями к эпохе модерна, противоречит результатам современных социологических исследований, которые свидетельствуют о резком возрастании значения символического в товарах и услугах. Именно рост символической составляющей является характерной чертой современной «культурной экономики».

Литература и примечания

1. Rosenberg M. J. Cognitive Structure and Attitudinal Affect // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1956. Vol. 53. P. 367–372; Fishbein M. Attitudes and Prediction of Behavior // Readings in Attitude Theory and Measurement. N. Y., 1967. P. 477–492.
2. Olsen R. A., O'Neil M. F. The image study: A worthwhile «investment» for small retail securities firm // Journal of Professional Services Marketing. 1989. Vol. 4 (2). P. 159–171.
3. Высокоский А. Креативность как ресурс // Отечественные записки. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/kreativnost-kak-resurs>.
4. Гнедовский М. Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/tvorcheskie-industrii-politicheskii-vyzov-dlya-rossii>.
5. Лэндри Ч. Креативный город. М., 2005.
6. Гончарик А. Политика в области творческих индустрий: зарубежный опыт и российские

реалии ресурс // Отечественные записки. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/politica-v-oblasti-tvorcheskich-industriy>.

7. Востряков Л. Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели. URL: <http://www.spolicy.ru>

8. Граждане для Европы. URL: <http://www.euroa.eu.int>

9. Румянцев М. В., Лантева М. А. и др. Междисциплинарное исследование креативных индустрий и творческой экономики Красноярск // Культурологический журнал. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/110.html&j_id=9; Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии. М., 2010.

10. Флиер А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // Знание. Понимание. Умение. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/

11. Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: учеб. пособие. М., 2005. С. 10–44; Оберемко О. А. Кого мы называем «Люди XXI века»? // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 32–38.

12. Тихонова Н. Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 33–45.

13. Флиер А. Я. Культурные индустрии в истории и современности ...

K. M. MARTIROSYAN. SOCIO-CULTURAL PRODUCTION OF SYMBOLIC CAPITAL IN THE CULTURAL INDUSTRIES

Article characterizes the cultural industry, which emerged in the process of development of the mass industrial society and turned into considerable sector of modern cultural Economics. Special attention is paid to the symbolic capital and its role in modern society.

Key words: cultural industry, socio-cultural production, symbolic capital.

А. В. КУДИНОВА

О МЕТОДОЛОГИИ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА

Автор затрагивает вопросы определения границ применения и содержательной стороны культурного капитала, что представляется важным для дальнейшего исследования нематериальных форм капитала и их роли в деятельности ЮНЕСКО и в дальнейшем развитии общества.

Ключевые слова: культурологические исследования, социальный капитал, культурный капитал.

Впервые понятие культурного капитала было введено в научный оборот в 1964 году французскими учеными П. Бурдьё и Ж.-К. Поссроном в вышедшей в 1964 году книге «Воспроизводство» [1]. Хотя уже в 1960 году представитель неоклассического направления в экономической теории Т. Шульц рассматривал образовательные компетенции как специфическую превращенную форму капитала [2]. Позднее он писал в статье, посвященной человеческому капиталу, что «капиталом является любой актив – физический или человеческий, обладающий способностью генерировать

поток будущих доходов» [3]. Правда, П. Бурдьё и Ж. К. Поссрон в своей работе «Воспроизводство» на работы Т. Шульца не сослались. Впрочем, внимание этих ученых к превращенной стоимости образования объясняются эффектом очевидности затрат на образовательный процесс и возможности высчитать его альтернативную стоимость путем простейших арифметических вычислений.

Согласно точке зрения авторов, культурный капитал представлял собой совокупность культурных знаков и символов, маркирующих социальные статусы индивидов в обществе и являющихся

детерминантами семейного и школьного воспитания и образования, воспроизводивших социальное положение различных социальных слоев и модели их социализация.

В 1983 году П. Бурдьё публикует статью «Формы капитала», посвященную теоретическому рассмотрению проблем внеэкономических форм капитала в связи с развитием методологического подхода, и более подробно анализирует концепт «культурного капитала». Под культурным капиталом П. Бурдьё понимает капитал, трансформируемый при определенных условиях в экономический. Он «может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций». Причем большую часть свойств культурного капитала можно вывести из того факта, что в своем основном состоянии он связан с телом и предполагает некое инкорпорирование [4]. В основании концептуального оформления характеристик культурного капитала лежала работа 1964 года «Воспроизводство», в которой рассматривалась проблема социальной стратификации образовательных траекторий представителей различных социальных ситуаций.

По мнению П. Бурдьё, «Накопление культурного капитала в инкорпорированном состоянии, т. е. в форме того, что называется культурой, культивированием [Bildung], предполагает процесс воплощения в телесные формы [em-bodiment], инкорпорирования. Поскольку этот процесс влечет за собой усилия по освоению и ассимиляции, он требует затрат времени – непосредственно самого инвестора». Как явствует из приведенной фразы, П. Бурдьё понимал под инкорпорированием вовсе не «культивирование», как полагают переводчик и научный редактор, а образование – die Bildung [нем. – А. К.]. Под культурным капиталом в данном случае понимается преимущественно образовательный капитал, который воплощается в материальных и духовных артефактах и в образовательных компетенциях. Переводчик же и научный редактор придали концепту П. Бурдьё расширенный статус, эксплицировав концептуальный подход исследователя к образованию на всю культуру.

При этом П. Бурдьё выделял и социальный капитал, рассматривая его как образованный «социальными обязательствами (связями) [connections], который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован, например, в форме аристократического титула» [5].

В работах 80-х годов XX века П. Бурдьё, изучая политические и социальные конфликты в среде французской интеллигенции, применяет новые термины, отражающие нематериальные активы: «капитал академической власти», «капитал научного престижа», «капитал интеллектуального реноме» [6].

Американский ученый Д. Тросби, в конце XX века обратившийся к проблеме культурного капитала, подразумевает под объектом культурного

капитала любой материальный и нематериальный объект, обладающий культурной ценностью. Культурный капитал может создавать поток товаров и услуг, которые могут иметь как культурную, так и экономическую ценность. Причем иерархии культурных благ, построенные по шкале экономической и культурной ценности, схожи, но не идентичны [7].

Профессор социологии Пенсильванского университета (США) Р. Коллинс полагал, что ни экономический, ни культурный капитал не могут быть взаимно конвертируемы. Под культурным капиталом он понимает групповые ситуации, в которых индивиды себя проявляли, и в рамках которых они накопили определенный репертуар символов с различным обобщенным и обособленным содержанием. Совокупность этих символов и составляет, согласно точке зрения Р. Коллинса, культурный капитал [8].

В 90-е годы прошлого века культурный капитал был исследован в монографии В. И. Ильина, который, по существу, опирался на основные положения концепции П. Бурдьё с учетом достижений современной научной литературы.

Специальное исследование формам капитала посвятил социолог В. В. Радаев. Под этим термином он понимает, в соответствии с достижениями современной науки, «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм» [9].

В. В. Радаев расширяет количество форм капитала. Если П. Бурдьё выделял три основные формы капитала – экономическую, культурную и социальную, то В. В. Радаев предлагает наряду с отмеченными выделять и другие формы капитала – физическую, человеческую (вслед за Г. Беккером, который высказал предположение, что каждый вид человеческой деятельности может образовывать свой вид капитала и предложил методику расчета стоимости образовательного капитала [10]), административную, политическую и символическую.

В. В. Радаев расширил понимание культурного капитала за пределы «тела человека», включив в концепт «культурного капитала» и ряд элементов символического. В объективированном состоянии культурный капитал или совокупность «культурных благ», согласно точке зрения В. В. Радаева, позволяет с помощью символизации социально-статусных позиций и использования культурных кодов вести успешную коммуникацию с представителями различных социально-статусных групп.

Над концепцией В. В. Радаева довлеет авторитет П. Бурдьё, что он собственно и не скрывает: в начале работы автор говорит «об использовании подходов Бурдьё и других исследователей в качестве инструментов для построения единой исследовательской схемы» [11].

Социокультурный капитал имеет тройственную природу. Во-первых, он объективен, так как существует в форме артефактов в материальной

(вещной) или духовной, зафиксированной в информации на различных типах носителей, формах. Во-вторых, он рефлексивен, поскольку интерпретируется и оценивается лишь в рамках предметного поля индивида или сообщества в различных формах, он неотделим от сознания интерпретирующего его индивида. В-третьих, он продуцирует человеческую активность в различных формах предметной или умственной деятельности, поскольку имеет стоимостную природу, связанную с транзакционным обменом.

Литература

1. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство / пер с франц. Н. Шматко. М., 2007.
2. Schultz T. W. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. P. 571–583.
3. Schultz T. W. Investment in Human Capital // The Press. N. Y., 1971. P. 178.

4. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 60–74. URL: <http://www.ecsoc.msses.ru>.

5. Бурдые П. Формы капитала ... С. 60–61.

6. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 168.

7. Trosby D. Culturalcapital // Journal of Cultural Economics. 1999. Vol. 23. P. 3–12.

8. Коллинс Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 77.

9. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. URL: <http://www.ecsoc.msses.ru>

10. Беккер Г. Избранные труды по экономической теории. М., 2003. С. 90–154.

11. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация ... С. 20, 22–25.

A. V. KUDINOVA. ABOUT METHODOLOGY OF THE CONCEPT OF THE CULTURAL CAPITAL

The author touches issues of determining the limits of application and content of cultural capital, which is important for further investigation of intangible forms of capital and their role in the activities of UNESCO in the future development of society.

Key words: cultural studies, social capital, cultural capital.

А. В. СИВЕР

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ КАК МАТЕРИАЛ АНАЛИЗА ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГОВ-ШАПСУГОВ

В статье говорится о современных методах переписи населения, которые при всех своих неизбежных недостатках в целом помогают представить общую картину этнического состава страны и отдельного региона и вместе с тем формируют источник для изучения факторов, мотиваций и результатов как массовой, так и индивидуальной этнической самоидентификации.

Ключевые слова: адыги, шапсуги, перепись населения, этническая идентификация.

Значение статистических источников для этнолога переоценить сложно. Цифры способны показать определенную картину состояния группы как на синхронном срезе, т. е. в сравнении с аналогичными данными по другим группам, так и на диахронном, т. е. отражая динамику во времени. Однако идеальные условия для этого предполагают, что выделение сравниваемых групп максимально стандартно и предельно определено. В случае с группой этнической эти условия, мягко говоря, не очевидны – ведь математически безупречного способа определения этнической принадлежности не существует. Тем не менее, само это обстоятельство предоставляет возможность исследовать этнографическую статистику, так сказать, «с другой стороны», изучить через нее сами нюансы этнического определения и самоопределения. С этой точки зрения пример черноморских шапсугов, с 2000 года имеющих статус малого коренного народа Краснодарского края, не только показателен, но и поучителен.

Следует отметить, что именно перепись населения как официальный единовременный и максимально полный сбор статистических данных в масштабах всего населения страны предполагается наиболее репрезентативным и авторитетным демографическим источником, в том числе этнодемографическим. А между тем, как раз к переписи может возникать наибольшее количество вопросов, и не только в этническом, но и в других отношениях – слишком масштабная и трудоемкая задача стоит перед ее организаторами, особенно в такой стране как Россия.

Известно, что к переписи населения как официальному мероприятию предъявляются требования: «1) Централизованность переписи... 2) Охват определенной территории... 3) Всеобщность... 4) Одномоментность... 5) Наличие установленной программы переписи и ее единство... 6) Индивидуальность при регистрации (или поименность) и непосредственное получение сведений у населения... 7) Обработка и публикация данных по